
КОНЦЕПЦИЯ СИМУЛЯКРА ЖАНА БОДРИЙЯРА: МЕТОДОЛОГИЯ «АЛЕАТОРНОГО МЫШЛЕНИЯ» И ТРАНСФОРМАЦИЯ СУБЪЕКТА В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Л.Ю. Бронзино

Кафедра социологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 10/2, Москва, Россия, 117198

Концепция Жана Бодрийяра, одного из самых популярных теоретиков постмодернизма, представляет собой обоснование, с одной стороны, своеобразной методологии, которая связана с фрагментарностью как базовым признаком неклассической рациональности, с другой — общественного состояния, получившего наименование «общество потребления». В статье осуществляется теоретико-социологическая реконструкция концептуального аппарата Бодрийяра, исходя из этих двух направлений мысли французского мыслителя.

Ключевые слова: симулякр, общество потребления, современная социальная теория, современная социальная методология, алеаторность, фрагментарность.

Жан Бодрийяр — французский мыслитель эпохи постмодерна, чью теорию в этом смысле можно назвать типичной. Его основные труды — «Система вещей» (1968), «Общество потребления» (1970), «К критике политической экономии знака» (1972), «Зеркало производства» (1973), «Символический обмен и смерть» (1976), «Забыть Фуко» (1977), «Соблазн» (1979) — представляют собой, с одной стороны, развернутую критику современного общества, с другой — описывают систему новых взглядов на социальную действительность столь же экзотичную, сколь и знакомую каждому картину современности. Проблемы, вокруг которых концентрируется мысль Бодрийяра, привычны для мыслителя нашего времени: формирование общества потребления, унификация личности, информатизация и «театрализация» общественной жизни, из которой исчезает сама жизнь, непосредственная реальность, подменяемая симулятивной реальностью всемогущих знаковых систем.

Своеобразный постмодернистский стиль, характерный для мыслителей данного направления и маркирующий неклассическую рациональность, в произведениях Бодрийяра обнаруживает свое выражение и получает теоретическое основание. Усложняющий задачу исследователя его творчества бодрийяровский подход есть сознательно избранная стратегия осмысления общества, соответствующая состоянию последнего. Она включает в себя апологию различия и логической непоследовательности, фрагментарность изложения, сознательно противопоставленную логически безупречным трактатам, описывающим общество с традиционных позиций, метафоричность, призванную заменить устойчивый категориальный аппарат, символизирующий классическую рациональность, неопределенность и подвижность насыщенных дополнительными коннотациями и выстроенных в соответствии с «жизнью языка», подразумевающей словесную игру, понятий.

Причины, сделавшие необходимым столь нестандартный подход к описанию общества, Бодрийяр видит в характере социальных трансформаций, сделавших невозможным классическую модель социальной науки: «... сегодня мы живем во вселенной, которая организована подобно „петле Мебиуса“. Если бы пространство нашего мира оставалось пространством противостояния, конфронтации, нас по-прежнему могли бы устраивать привычные рациональные стратегии, основанные на представлении о линейной связи причин и следствий... Но сейчас мы имеем дело с абсолютно алеаторной вселенной, где причины и следствия — в полном соответствии с логикой организации систем, моделируемых „петлей Мебиуса“, накладываются друг на друга и где, следовательно, никто не в состоянии предсказать, какими будут более или менее отдаленные последствия тех или иных действий» [2. С. 27]. Неопределенность есть главная особенность современного социального состояния — на этом тезисе Бодрийяр выстраивает свою методологическую позицию. Логическим следствием такой установки является идея о том, что утрачивается главная цель процесса — истина, которой нельзя достичь «алеаторным» мышлением. При этом привычными познавательными операциями остаются заключения о наличии причинно-следственных связей — уловка, помогающая скрыть не только трансформировавшийся характер мышления, но и, самое главное, изменившиеся принципы социального существования. Находить причину и конечную цель, основание любого процесса, утверждает Бодрийяр, — привычка, укоренившаяся с применением принципа обмена ко всем категориям бытия и мышления («обменный процесс есть ловушка, иллюзия; и тем не менее нечто постоянно вынуждает нас заботиться о том, чтобы идеи, слова, товары, блага, индивиды существовали именно в обмене... Чтобы на что-нибудь могла обмениваться даже сама смерть» [2. С. 49]). Категория обмена становится для Бодрийяра базовой характеристикой классической рациональности, а ее трансформация — свидетельством того, сколь глубокие изменения претерпевает современное общество и социальная теория, пытающаяся их осмыслить. Поиск причинно-следственных отношений классическая наука считала своей главной задачей, «обменивая» случившееся на предшествующее, находя порядок в хаосе и выдавая его за упорядоченную реальность. Именно это не в последнюю очередь вызывает к жизни «виртуальность» — лишнюю подобия копию или клон реальности, замещающую ее не нуждающуюся больше в апелляции к оригиналу.

Отсутствие реальности, т.е. объекта, на который должно быть направлено познание, дискредитирует научный дискурс в том случае, если он настаивает на безусловности своих принципов, объективности и истинности своих суждений — выдает свою модель мышления за универсальную. Таковым был дискурс классической рациональности, опиравшийся на науку как высшую форму деятельности по его производству. Однако сегодня ему уже нечем гордиться, наука «не имеет никаких оснований кичиться своим аналитическим господством над вещами. Если мир... парадоксален — в нем царствуют двойственность, неопределенность, алеаторность, реверсивность — то мы обязаны обрести мышление, явно тяготеющее к парадоксальности: мысль, стремящаяся стать событием во вселенной, должна находиться с ней в отношении подобия. Объективное мышление

в свое время являлось абсолютно адекватным миру, который выступал для нас в качестве пространства детерминации. Однако миру нестабильности, миру неоднозначности оно уже не соответствует. Нам, следовательно, необходимо открыть своеобразную мысль-событие, которая в состоянии сделать из неопределенности принцип, из невозможного обмена правило своей игры и которая хорошо понимает, что не вступает в обмен ни с истиной, ни с реальностью» [2. С. 56]. Такие принципы Бодрийяр и пытается реализовать в своих текстах, хотя объяснения того, как такая методология осуществляется в современной социальной теории, он не дает — очевидно, что для этого ему следовало бы отказаться от собственных принципов и написать научный трактат в классическом смысле по теоретико-методологической проблематике.

Как многие теоретики «критической» ориентации, осмысливающие проблемы методологии социального познания, Бодрийяр предьявляет особые претензии к классической модели социологического исследования, позволяющей легитимизировать актуальное общественное состояние, создавая научную основу, оправдывающую современность, давая массам иллюзию рациональности иррационального в действительности социального устройства. Причем это делается в пользу определенной идеологии, в которой заинтересована власть, не желающая видеть инертную силу «молчаливого большинства» — масс: «Перед нами абсолютно резистентная, неодолимая „материя“, которую мы решили описать, используя методы зондажа, статистики и т.п., по аналогии с тем, как физики описывают хаос, опираясь на теорию вероятности... Конечно, сегодняшние интеллектуалы и политики склонны не замечать происходящего, ибо репрезентация — необходимое условие существования близкой их сердцу демократии» [2. С. 121]. Однако масса уже не может быть репрезентирована — ни в политическом, ни в социологическом смысле, она инертна и сопротивляется репрезентации даже в языке, ее социальность — очередная уловка и выдумка интеллектуалов, создающих абстрактные схемы, основанные ими же изобретенной рациональной модели. Адекватное описание современного общества возможно только через признание его симулятивной природы, осознание «конца социального»: «Массы, составляющие „молчаливое большинство“, несовместимы с рациональной коммуникацией, — поясняет позицию Бодрийяра А.В. Дьяков. — Они уничтожают информацию, поглощают ее, каким бы ни было ее содержание... При этом нельзя утверждать, будто кто-то намеренно вводит их в заблуждение или манипулирует ими. Это сами массы противопоставляют диктату здравомыслия отказ от смысла и жажду зрелищ. Массы смутно ощущают стоящий за гегемонией смысла террор схематизации и сопротивляются ему, переводя все без исключения дискурсы в плоскость иррационального...» [7. С. 207]. Тогда наука занимается «принудительной социологизацией» масс — придает смысл отождествляющейся с рациональностью социальной жизни.

Критика, таким образом, — лейтмотив показательно постмодернистской и в этом отношении теории Бодрийяра. Объектом критики выступает у французского мыслителя, во-первых, современное общество, во-вторых, теории, застывшие в своем восприятии реальности и потому описывающие вместо действитель-

ной жизни абстрактную схему: в лучшем случае — идеал (от него, по крайней мере, может быть польза), в худшем — «идеальный тип» более или менее близкий к веберовскому пониманию этого слова: выдаваемая за объективную реальность, но сконструированная самими социологами схема социального. Ее основой выступает «миф об объективности» — убежденность в том, что воспринимаемое реально существует так, как видится, а его описание с помощью принятых научных терминов адекватно самой действительности. При этом иллюзия объективности базируется «мифом субъективности»: «... реальность не может обходиться без того, чтобы субъект не репрезентировал ее как таковую... И если идея объективной реальности — это ловушка, то, безусловно, то же самое можно сказать и об идее субъективно реального. Основа последней — трактовка субъекта как существа по своим ключевым характеристикам представляющего и выведение на первый план, в духе Канта, трансцендентального измерения феномена субъективности» [2. С. 115].

Несмотря на привязанность социологии к своей эмпирической основе (провозглашаемой или реальной), теория Бодрийяра может найти свое место в структуре социологического знания. Это непозитивистская и «неклассическая» теория, однако здесь отрицательность — необходимый атрибут, благодаря которому, зафиксировав свои критические интенции, возможно построить позитивную в широком смысле теорию. Бодрийяр определяет социальную реальность как симулятивную, современное общество — как общество симуляции и спектакля, и связано это с тем, что в нем устранена всякая соотнесенность с действительностью — общество удовлетворяется искусственными системами знаков, заменой реального знаниями реального, то есть речь идет об «ужасной манипуляции над всем реальным процессом его операциональным двойником, метастирующей антропометрической машиной... которая представляет все знаки реального в коротком замыкании — все его перипетии» [4. С. 34]. Несмотря на существование достаточного количества теорий, содержащих критику современного общества по схожим позициям, никто не пошел так далеко, как Бодрийяр, доводя свои идеи до логического завершения; потому эти теории его предшественников и коллег сами стали объектом критики Бодрийяра как закостеневшие, приобретшие респектабельность, лишившиеся творческого начала. Саморазрушающееся, по оценке Бодрийяра, современное общество не может быть описано в застывших терминах, которые не признают его и своей собственной симулятивной природы.

Работа «Симулякры и симуляция», как и большинство постмодернистских текстов, представляет собой не просто изложение системы взглядов на исследуемый объект, но и демонстрацию именно постмодернистского способа изложения. Отсюда неповторимый стиль Бодрийяра — в нем сочетается авторское видение проблематичности современного социального бытия и буквально в каждом слове ощущаемая противоречивость, непоследовательность, смысл которой достаточно сложно реконструировать — его нужно улавливать, чтобы не попасть в сеть симуляций, столь искусно сплетенную знаками. Слова в бодрийяровском тексте «переходят» друг в друга, показывая течение самой мысли, бесконечно прерываемой вопросами так, как будто книга и не должна предлагать решение проблемы, а лишь представлять каждому возможность самому поискать это решение.

И все же попробуем выделить несколько постулатов, безусловных для Бодрийяра даже в современной относительной и насквозь иллюзорной социальной жизни. Во-первых, утверждает Бодрийяр, сегодня исчезла грань между реальностью и симуляцией. В бодрийяровской трактовке симуляция изначально противопоставляется реальному, представляет собой совокупность несуществующего на самом деле, но представляющегося реальным. Симулякр отличается от симуляции как явление от процесса, т.е. симуляция — процесс порождения симулякра. Всякое реальное порождается на основе некоей модели, упорядочивающей многообразие вещей. Но модель предполагает воображаемую рациональную конструкцию, служащую прообразом реального. А если реальное само по себе сомнительно? Сегодняшняя жизнь предлагает отображение реального намного чаще, чем саму реальность: то, что обозначает нечто, для нас существует; что не имеет обозначения, несущественно. Так, «картинка», которую мы видим на телеэкране, не кажется нам ложной, хотя «жизни самой по себе» явно не содержит. В этом случае вопрос об истинности или ложности уже не встает: важен лишь процесс восприятия. Тогда все, что воспринимается, существует на самом деле. Это можно назвать глобальным эмпиризмом или солипсизмом нашего времени; для Бодрийяра же это означает универсальность симулякра и исчезновение реального, заменяемого на «гиперреальное», которое определяется как «порождение, при помощи моделей, реального без истока и реальности» [4. С. 34]. «Реальное производится, начиная с миниатюрнейших клеточек, матриц и запоминающих устройств, с моделей управления — и может быть воспроизведено несметное количество раз. Оно не обязано больше быть рациональным, поскольку оно больше не соизмеряется некоей, идеальной или негативной, инстанцией. Оно только операционально. Фактически, это уже больше и не реальное, поскольку его не обволакивает никакое воображаемое. Это гиперреальное, синтетический продукт, излучаемый комбинаторными моделями в безвоздушное гиперпространство» [4. С. 34].

Можно сказать, что симуляция — способ существования современного «виртуализированного» общества. Такого рода симуляция воспроизводится не только на макроуровне (общества в целом), но и на микроуровне (отдельного индивида), человеческое действие предстает как набор формально рациональных, но глубоко бессмысленных движений: «Ныне исполнение оперативно и ориентировано не на форму тела, а на его формулу, его уравнение, его виртуальность как операционное поле, на нечто, заставляющее функционировать... Отсюда возникает глубокая пустота содержания действия. Нет, кажется, ничего более бессмысленного, чем эта манера бежать, без конца реализуя способность бегать. Но люди бегут...» [3. С. 71].

Социальность представляет собой процесс означивания, т.е. придания смысла совместному существованию индивидов через отсылку к некоей сущности, утверждению наличия общей и индивидуальной цели и ценностей, имеющих безусловный характер. В том обществе, которое описал Э. Дюркгейм, основой выступали коллективные представления, укорененные в религиозности и постепенно секуляризовавшиеся, но не утратившие всеобщего значения. В бодрийяровскую эпоху место всеобщих ценностей занимает симулякр, имитирующий смысл: «„вер-

ная норма“, регулирующая нашу культуру, всегда связана с целью, с конечным завершением» [6. С. 282], потому в нем столь важно выстроить социальные отношения, в которых смерть перестает играть роль окончания и направления, так или иначе формирующего цель жизни. Ее следует также включить в символический обмен, сделать ритуализированным представлением, исключив из жизни как ее неизбежный конец, заменив симуляцией ее отсутствия.

В современном обществе знание о реальности заменило саму реальность, причем так, что вопрос о соотношении знака и вещи, истинного и ложного больше не возникает. «Науки предвосхитили эту паническую ситуацию: исчезновение соответствующих позиций субъекта и объекта в экспериментальном интерфейсе порождает конечный статус неопределенности в том, что касается реальности объекта и объективной реальности знания» [3. С. 63]. Описанная ситуация возникла в результате трансформации знания, которое определяется в данном контексте как совокупность представлений об окружающем мире. Следовательно, именно в эволюции представлений и необходимо искать истоки изменения в социуме. Бодрийяр выделяет последовательные фазы представления, сменявшие друг друга в процессе исторического развития: «оно отражает глубинную реальность; оно маскирует и денатурирует глубинную реальность; оно маскирует *отсутствие* глубинной реальности; оно вообще не соотносится с какой бы то ни было реальностью: оно есть чистый симулякр» [4. С. 35].

Эпоха симуляции и симулякра наступает при переходе от второй стадии к третьей: именно здесь возникают предпосылки для «уничтожения» реальности и замене ее глобальным симулякром, поскольку теперь представление не должно ничего реального отображать — оно становится самодостаточным. Тогда следующий шаг логически неизбежен и представляет собой отрыв представления от реальности, притом что само представление должно стать максимально натуралистичным — так, компьютерная графика, не имея в себе ничего от действительно существующих вещей, стремится к созданию наиболее правдоподобной иллюзии. И чем меньше реальности в симулякре, тем в большей степени он должен быть похож на правду — необходимо алиби реальности, чтобы симулякр мог существовать и приобрести всеобщность. «Непомерное раздувание мифов об истоках и знаков реальности. Непомерное раздувание вторичных истины, объективности и аутентичности. Эскалация истинного, пережитого, воскрешение образного там, где исчезли предмет и субстанция. Бешеное производство реального и референтного, параллельное и превосходящее по отношению к безумию материального производства: такова симуляция в касающейся нас фазе — стратегия реального, неореального и гиперреального, повсеместно дублируемая стратегией разубеждения» [4. С. 35] — вот что, по мнению Бодрийяра, возникает в результате описанной трансформации.

Своеобразным выводом из идеи трансформации представления от репрезентации реальности к его автономизации, породившей безграничную власть симулякра, становится у Бодрийяра теория общества потребления. (Заметим, что интеллектуальная эволюция взглядов Бодрийяра здесь не имеет первостепенного значения, потому анализ его идей осуществляется без учета хронологической

последовательности выпуска его работ — более существенной кажется общая реконструкция теории мыслителя.)

Само понятие «общество потребления» формулируется Бодрийяром в соответствии с уже сложившейся (благодаря, например, Э. Фромму и Г. Маркузе), традицией его анализа как общества, в котором преобладают «ложные потребности», сформированные благодаря СМИ и разнообразным манипуляциям сознанием. Эта новая разновидность потребления связана с коммерческими центрами, дающими возможность приобрести все, получая удовольствие от самого процесса, — в этом случае вопрос о том, нужны ли покупки и будут ли они впоследствии вообще использоваться по назначению, становится второстепенным: «Мы находимся на той стадии, когда „потребление“ охватывает всю жизнь, когда все роды деятельности комбинируются одним и тем же способом, когда русло удовольствий прочерчено заранее, час за часом, когда „среда“ целостна. Имеет свой микроклимат, устроена, культурализована. В феноменологии потребления общий микроклимат жизни, благ, предметов, услуг, поведения и социальных отношений представляет собой законченную стадию в эволюции, которая начинается с простого изобилия товаров и через образование цепи объектов потребления доходит до всеобщего координирования действий и времени, до системы окружающей среды, вписанной в будущие города, каковыми являются дрогстоуры, Парли-2 или современные аэропорты» [1. С. 9—10].

Экономическая основа общества потребления — наличие неограниченного количества вещей, которые можно потратить, т.е. созданное индустриальным производством изобилие товаров и услуг, перенесшее центр тяжести экономических систем из сферы производства в сферу распределения. Так же как Маркузе, Бодрийяр стремится обосновать, что это создает предпосылки для социальных трансформаций различного рода: по мнению немецкого мыслителя, возможно избавление от репрессивной цивилизации, которая должна перестать быть инструментом подавления, не нуждаясь больше в столь мощном социальном контроле; во французском варианте возникают предпосылки для уничтожения социального неравенства, поскольку материальные блага становятся общедоступными. Однако ни та, ни другая альтернатива не реализуется: Маркузе объясняет это тем, что социальный контроль нужен для поддержания власти как таковой, в постмодернистской схеме Бодрийяра наличие социального неравенства необходимо для гарантии действенности симулякра — «американской мечты», дающей каждому право желать стать президентом и тем самым наделить индивидуальную жизнь целью, а общественную — порядком.

Этот порядок носит символический характер и базируется не на классических стратификационных различиях, формирующих социальную иерархию, а исключительно на престиже, трактуемом как знаковое потребление. Идеология «общества потребления» убеждает в том, что перед вещами все равны, поскольку каждый может овладеть любой вещью — в крайнем случае арендовать или взять в кредит самую дорогую безделушку, достигнув тем самым равного с высокостатусными группами уровня потребления. Так осуществляется сегодня идентификация личности, а также определение ею смысла жизни и индивидуального раз-

вития — через выбор из совокупности потребительских практик тех, что относятся к престижным. Таким образом, человек принуждается к потреблению: «Классовая логика диктует спасение через вещи — таков демократический принцип в противоположность аристократическому принципу спасения через благодать» [7. С. 113].

«Система вещей» — одна из первых работ Бодрийяра, однако в ней можно увидеть попытку практического применения описанной выше теории «симулятивной реальности». С самого начала Бодрийяр предупреждает читателя, что его интересуют не вещи сами по себе или возможные способы их классификации, а вещи как знаки социокультурной реальности, которыми люди непрерывно обмениваются. «Система вещей» — способ организации материального мира, в котором живет человек, и вещи, предназначенные изначально для обеспечения комфорта, предстают как факторы, детерминирующие социальную структуру. Поэтому, с точки зрения Бодрийяра, «система вещей» определяет процессы человеческих взаимоотношений, систематизирует человеческие поступки, и, в свою очередь, определяется ими.

Когда мы описываем вещи с технологической точки зрения, отмечает мыслитель, мы говорим об их рациональности, объективно существующей структурности, упорядоченности. Но когда мы рассматриваем вещи в плане их бытового функционирования, непосредственного потребления, мы немедленно сталкиваемся с нарушением этой рациональности. Вещи включаются в социальные отношения и становятся эмоционально близкими человеку, связанными с ним психологически. Тогда нарушается связность технологических систем, «система социализированных или бессознательных, культурных или практических потребностей... Технический строй вещей и делает сомнительным их объективный статус» [5. С. 7]. «Здесь нас как раз и интересуют такие нарушения, — пишет Бодрийяр, — то, как рациональность вещей борется с иррациональностью потребностей и как из такого противоречия возникает система значений, пытающаяся его разрешить» [5. С. 7]. Описание системы вещей в рамках гуманитарной науки оказывается описанием практической идеологии этой системы.

Начало идеологии коренится в материальном, можно сказать, в способе потребления вещей или организации жизненного пространства. Конкретно это выражается самым простым способом — привычкой определенным образом размещать вещи, т.е. расстановкой вещей. В этой расстановке отражается, ни много ни мало, социальная структура общества в конкретно-исторический период времени. Так, вещам традиционной обстановки (типично буржуазный интерьер), по мнению Бодрийяра, свойственна монофункциональность, несменяемость, внушительность присутствия и иерархический этикет. Вещи традиционной обстановки (столовая плюс спальня и т.д.) следует рассматривать с точки зрения социально-моральной перспективы, которой однозначно подчинены и их хозяева: «В своем пространстве они столь же мало автономны, как и члены семьи в обществе» [5. С. 11—12]. Тем не менее, традиционные вещи-монументы (громоздкие кровати, массивные буфеты, шифоньеры и т.д.) находят своего покупателя и сегодня, потому что им

соответствует стойкость традиционных семейных структур, ими «как бы официально санкционируется буржуазная семейная группа» [5. С. 12]. Изменяются взаимоотношения человека с семьей и обществом, изменяется и стиль домашней обстановки. Сегодня уже отдают предпочтение малогабаритной, блочной мебели. Вещи складываются и раскладываются, то исчезают, то вновь появляются в нужный момент. Это означает формирование нового отношения между индивидом и вещью: «Современная вещь становится полифункциональной. Отношения между индивидом и вещью либерализируются вслед за либерализацией его положения в обществе. Индивид сегодня становится свободнее в организации пространства, что отражает и его более широкие возможности в социальных отношениях» [5. С. 13].

Субстанциональность вещи постепенно вытесняется ее функциональностью и даже полифункциональностью, символическая значимость вещи — смысловыми элементами организационного порядка. Мы уже больше не видим в вещах собственного продолжения, не относимся к ним как к неким одушевленным предметам, не проникаемся их символической значимостью. Наше отношение к ним все чаще сводится просто к их размещению в окружающем нас пространстве, к организации этого пространства и к игре с ним, «значимость такого отношения — уже не инстинктивно-психологического, а тактического порядка» [5. С. 16].

Над новой, функциональной, а не субстанциональной вещью надстраивается и новая организация быта. Бодрийер подробно рассматривает особенности современного расположения комнат, освещения, зеркал и т.д., а также структурные компоненты среды: краски, материалы, формы — и делает это столь основательно, что его идеи сегодня активно используются дизайнерами и создателями рекламы.

Дискурс вещей свидетельствует не только о неких объективных социальных изменениях, о нарушении традиционных взаимоотношений между человеком и обществом, но и об изменении самого субъекта расстановки, о новом типе обитателя дома. Субъект отныне — это порядок, который он вносит в вещи. Роль субъекта начинают играть окружающие его вещи: «В доме он создает не убранство, а пространство, и если традиционная обстановка нормально включала в себя фигуру хозяина... то в „функциональном“ пространстве для этой подписи владельца уже нет места» [5. С. 21]. Он сам теперь функционален, однороден со своей средой и обретает себя в манипулировании системой вещей.

На наших глазах совершается настоящая революция в области быта. Функциональность вещи сегодня — это не столько запечатленность в ней какого-то реального труда, сколько приспособленность одной формы (формы вещи) к другой (к человеческим формам), в которой реальные трудовые процессы более не играют своей основополагающей роли. Традиционная вещь-орудие вовсе не сочеталась с формами человека, она сочеталась с формами усилия и жеста, т.е. труда. Современная вещь является продолжением человеческого тела, она в полном смысле этого слова «сподручна». Так, рукоятка утюга является продолжением руки, а кресло «Эрборн» сочетается с формами тела.

Но, становясь совершенной, форма отводит человеку лишь роль стороннего созерцателя собственного могущества. Оказываются ненужными многие привыч-

ные жесты, прерываются традиционные бытовые ритмы, основанные на разнообразии телесных движений, и все это, подчеркивает Бодрийяр, имеет глубокие психофизиологические последствия для человека. Перед лицом функциональных вещей он оказывается пустой формой, открытой для любых функциональных мифов. Таков бытовой источник нашей веры в безграничную мощь техники. «Между тем технический предмет, требующий от нас лишь чисто формального соучастия, изображает нам мир, где нет усилий, где энергия абстрактна... где жест-знак обладает абсолютной действенностью» [5. С. 50]. Мир, а вместе с ним и человек постепенно лишаются принципа реальности, которая больше не переживается, а лишь симулируется. И мы имеем дело уже не столько с вещами и их однозначными функциями, сколько с настоящими функциональными симулякрами.

Усиливается отчуждение человека. Вещи заменяют конкретные межличностные и социальные отношения, перестают быть просто способом решения определенной практической проблемы, а вполне способны разрешить и некий психологический, более того, социальный конфликт. В ситуации, когда для каждой проблемы есть своя вещь, она даже не столько разрешает эти конфликты, сколько подменяет их иллюзией благополучного разрешения. Механическое решение выступает на место социального решения или биологической адаптации. В этом смысле «машина отнюдь не является знаком могущества социального строя, но знаменует нередко его бессилие и паралич» [5. С. 106]. Общество в целом оказывается именно иллюзорно благополучным, оно, по сути, не развивается, а стагнирует.

В современном обществе принято говорить о свободе выбора, но является ли этот выбор действительно свободным — задает Бодрийяр далеко не риторический вопрос. Мы вовсе не так свободны в своем выборе, как нам это представляется, более того, мы прямо обречены выбрать определенную для нас вещь. Так и общество в целом навязывает нам свою власть. «Выбирая ту, а не другую автомашину, вы, быть может, и утверждаете свою личность, — пишет Бодрийяр, — но главное — самим фактом своего выбора вы связываете свою судьбу с экономическим строем...» [5. С. 117].

Производя все больше и больше вещей и создавая иллюзию безграничности выбора, общество тем самым нейтрализует опасность, которую для него представляет истинная свобода личности. Персонализация в этом плане оказывается чем-то большим, нежели простой прием рекламного внушения, «это фундаментальное идеологическое понятие нашего общества, которое через «персонализацию» вещей и представлений стремится достичь еще большей интеграции личностей» [5. С. 117]. Наш выбор в итоге оказывается выбором экономического и политического строя, и человек уже не осуществляется как субъект, а все больше производит сам себя как объект экономического спроса. Речь идет о новой форме крепостничества, при которой хозяином оказывается общественный строй в целом. А такие экономические по сути явления, как кредит и реклама, принимают на себя в полном масштабе функции этического и политического давления на массы.

Неудивительно, что потребление перестало приносить удовольствие (этот тезис также перекликается с фроммовскими идеями об исключении «принципа удовольствия» из современной цивилизации и «репрессивной цивилизации» Маркузе). Бодрийяр доказывает, однако, что демонстрация удовольствия — от потребления и жизни в этом изобильном обществе вообще — становится необходимой составляющей стиля жизни индивида. Суть в том, что ныне человек утратил иной смысл жизни, кроме достижения еще более высокого уровня потребления, и теперь он просто обязан получать удовольствие от вещей, каковы бы ни были его реальные ощущения: «Потребление уже не является простым и чистым наслаждением благами, оно становится чем-то вынуждающим наслаждаться — смоделированной операцией, разнесенной по графам ранжированного набора предметов-знаков» [3. С. 67—68].

Итак, современное общество — это общество потребления, — резюмирует Бодрийяр. Но это потребление нельзя понимать просто как процесс удовлетворения потребностей. Потребление стало сегодня онтологической реальностью, на которой основана вся современная культура. Объектом потребления являются совсем не вещи (они всего лишь объект потребностей), а знаки. «Потребление — это *виртуальная целостность всех вещей и сообщений, составляющих отныне более или менее связный дискурс*. Потребление, в той мере, в какой это слово вообще имеет смысл, есть *деятельность систематического манипулирования знаками*» [5. С. 164].

Традиционная вещь представляла собой некое реальное отношение или житейскую ситуацию, и она несла в своей основе динамику этого отношения. Такая вещь никогда не потреблялась в определенном смысле. Чтобы стать объектом потребления, вещь должна быть знаком, который обретает смысл только в системе соотнесенности с другими вещами-знаками, включая и самого человека. Из этой трансформации вытекает изменение и человеческих отношений, они больше не переживаются, а «потребляются» и оказываются в итоге отношениями потребления. Таким образом, потребляются не вещи, а именно отношения, вещи же лишь проявляют эти отношения.

Состояние общества Бодрийяр описывает как принципиально неопределенное. Неопределенность создает видимость ничем не ограниченного выбора вещей, отношений, собственного положения в обществе и распространяется сегодня абсолютно на все — включая даже столь незыблемые еще недавно понятия, как половая принадлежность или набор физических признаков. С тех пор как пол стал трактоваться через понятие «гендер», т.е. акцент в анализе сместился с биологического на социальный аспект пола, а развитие пластической хирургии стало физическим подтверждением метафорического еще недавно представления о «распаде личности» («лица»), неопределенность приобрела действительно всеобъемлющий характер.

Такой мир — порождение власти симулякров, поглотивших и растворивших в себе реальное. Знаки поддаются многократной и разнообразной интерпретации, следовательно, власть дискурса (как совокупности знаков) означает принципиальную неопределенность, фрагментарность и алеаторность социального бытия.

Более не существует единственно верного прочтения знака, любые его трактовки равнозначны и не выстраиваются в иерархию по степени истинности.

Даже с биологической, «телесной» точки зрения, утверждает Бодрийяр, современный человек лишен уникальной идентичности — одна из наиболее серьезных утрат эпохи постмодерна. При этом индивид постоянно «ищет себя» в многообразной, напряженной, но абсолютно непроизводительной активности, которую Бодрийяр называет «универсальной любознательностью»: «Нужно все попробовать, человек потребления одержим страхом „упустить“ что-либо, упустить наслаждение. Каким бы оно ни было. Никогда неизвестно, извлечет ли вас тот или иной контакт, тот или иной опыт (Новый год на Канарах, угорь в виски, Prado, L.S.D., любовь по-японски) „ощущение“. Теперь не желание, даже не вкус, не специфическая склонность введены в игру, а масштабная любознательность, движимая диффузной навязчивостью, — это „fun-morality“, или императивный приказ развлекаться, использовать до дна все возможности, заставить тебя взволноваться, наслаждаться или доставлять удовольствие» [1. С. 110].

Этот «поиск себя» с помощью демонстративного потребления (как называл его Т. Веблен) имеет одну особенность, вследствие которой он никогда не достигает результата — он носит чисто внешний характер, направлен не на конституирование себя как самодостаточного субъективного единства, Я, а на определение своей роли и статуса в социальной структуре общества потребления, критерием для стратификации в котором выступает не набор личностных или профессиональных качеств, не происхождение и даже не материальное благосостояние. Здесь значимо лишь количество потребленного, причем потребленного публично, чтобы каждая использованная вещь подтверждала право субъекта на очередную ступень в иерархии общества потребления. В итоге понятие личности уходит не только из социальной науки — последняя лишь фиксирует печальную ситуацию, сложившуюся в современном мире и характеризующуюся множественностью, «зонтичностью» идентичности: «Каждый ищет свое обличье. Так как более невозможно постичь смысл собственного существования, остается лишь выставлять напоказ свою наружность, не заботясь ни о том, чтобы быть увиденным, ни даже о том, чтобы быть. Человек не говорит себе: я существую, я здесь. Но: я видим, я — изображение, смотрите же, смотрите! Это даже не самолюбование, это — поверхностная общительность, разновидность рекламного простодушия, где каждый становится импресарио своего собственного облика» [3. С. 37].

По мысли Бодрийяра, общество превратилось в подобие рекламной картинки — люди в нем взаимодействуют как герои клипа, вещи лишь обозначают присутствие и более того, их вовсе не обязательно использовать — достаточно лишь обозначить, что они были «употреблены». Так, не новая сама по себе идея о том, что современное общество — это общество потребления, приобретает у Бодрийяра новый смысл. Речь идет уже не только о глобальном отчуждении, которое поработывает индивида и охватывает все формы его жизнедеятельности, но и о трансформации самого человека, становящегося в окружении симулятивной реальности «вещей-функций», «человеком-функцией», выполняющим заданную «системой вещей» роль.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. — М., 2006.
- [2] *Бодрийяр Ж.* Пароли. От фрагмента к фрагменту. — Екатеринбург, 2006.
- [3] *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. — М., 2006.
- [4] *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция // Философия эпохи постмодерна. — Минск, 1996.
- [5] *Бодрийяр Ж.* Система вещей. — М., 1995.
- [6] *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. — М., 2006.
- [7] *Дьяков А.В.* Жан Бодрийяр: Стратегии «радикального мышления». — СПб., 2008.

JEAN BAUDRILLARD'S CONCEPT OF SIMULACRUM: THE METHODOLOGY OF "ALEATORY THINKING" AND SUBJECT'S TRANSFORMATION IN THE CONSUMER SOCIETY

L.Y. Bronzino

Sociology Chair

Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklyaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

On the one hand, the theory of Jean Baudrillard, one of the most prominent postmodernist scholars, implies the specific methodology which is associated with fragmentarity as the pivotal characteristic of non-classical rationality. On the other hand, Baudrillard's approach provides a rationale for the type of society which is referred to as the consumer society. The apprehension of the conceptual framework of the French theorist within theoretical sociology perspective with regard to the outlined ideas is carried out in the article.

Key words: simulacrum, consumer society, contemporary social theory, contemporary social methodology, aleatority, fragmentarity.